

Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное

К.М. Ханбабаев

В статье на основе анализа новейшего материала раскрываются общие черты и специфика религиозно-политической идеологии и практики на Северном Кавказе в современных условиях.

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, религиозно-политический экстремизм, салафизм, идеология, нелегальная деятельность, противодействие, профилактика.*

The article analyses the newest material on the common and specific features of the religious-political ideology and practice in the North Caucasus in modern conditions.

Keywords: *Russia, Northern Caucasus, religious-political extremism, salafism, ideology, illegal activity, counteraction, preventive maintenance.*

Идеи религиозно-политического экстремизма распространены во многих регионах России, где традиционной религией является ислам. Практически во всех регионах России, где компактно проживают мусульмане, – Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан, Поволжье, Мордовия, Нижегородская и другие области, существуют предпосылки для возникновения внутриконфессиональных конфликтных ситуаций.

В России, странах Центральной Азии религиозно-политический экстремизм начал распространяться при активном влиянии из-за рубежа.

Сравнительный анализ религиозно-политического экстремизма и традиционных сект позволяет сделать вывод о том, что по всем формальным признакам **религиозно-политический экстремизм можно квалифицировать как сектантское движение**. Об этом свидетельствует ряд классифицирующих признаков: наличие основателя – *шейха*; непримиримость к другим сектам; собственное толкование Корана; строгая внутренняя иерархия; внешние отличительные признаки; уверенность, переходящая в фанатизм, в собственной избранности и истинности своего пути; собственная особая обрядность; собственное специфическое мировоззрение; наличие руководителей-наставников.

С другой стороны, религиозно-политический экстремизм можно квалифицировать как **религиозно-политическое движение**. В этом отношении можно выделить следующие ключевые признаки:

- однозначно отрицательное отношение к существующей власти;
- стремление к власти как основная стратегическая цель деятельности;
- наличие идеологии формирования политической системы;
- наличие программы государственного строительства, тактики борьбы;
- развитый пропагандистский аппарат и средства агитации.

На основе анализа научных публикаций и материалов периодической печати и собственных наблюдений относительно движения религиозно-политического экстремизма можно сделать некоторые обобщающие выводы.

Во-первых, данное движение можно квалифицировать как имеющую **двойственную природу религиозно-политическую организацию**. С одной стороны, налицо **признаки секты**, с другой стороны – **политической организации**.

Во-вторых, движение имеет неадекватное своей численности политическое влияние в силу своей идеологической специфики, финансовых возможностей.

В-третьих, религиозно-политический экстремизм в ближайшей перспективе будет оставаться одним из самых активных движений в силу названного нами ряда объективных причин.

В-четвертых, в мире, в России, особенно на Северном Кавказе, имеются объективные и субъективные условия для дальнейшего распространения идеологии религиозно-политического экстремизма.

Религиозно-политический конфликт на Северном Кавказе стал следствием сложного комплекса противоречий в религиозной и политической сферах, что усугубили такие факторы, как ухудшение социально-экономического положения в регионе, сложная этнополитическая ситуация, заинтересованность внешних сил в дестабилизации региона, отсутствие четко выработанной концепции национальной политики, сепаратистское движение в Чечне, массовое распространение оружия, бурный рост исламского самосознания жителей Северного Кавказа при сохраняющейся религиозной безграмотности населения. Одна из причин политизации ислама на Северном Кавказе обусловлена мультиэтнической структурой населения в этом регионе.

В целом достаточно активному распространению на Северном Кавказе идеологии исламского религиозно-политического экстремизма способствовали следующие **условия**: социально-экономический кризис, приведший к обнищанию широких масс; идеологический, духовно-нравственный и политический кризис; обострение межнациональных отношений; криминализация различных сторон жизни, коррупция, организованная преступность; неопределенность политики федерального центра в отношении региона и отдельных субъектов; геополитические трансформации в регионе; низкий авторитет местного духовенства.

После исчезновения идеологии коммунистического интернационализма и соответствующей национальной политики, которые хоть как-то согласовывали интересы отдельных этносов в бывшем СССР, полиэтничные общества, где большинство населения исповедует ислам, оказались без этого важного общественного регулятора. В такой ситуации исламская идеология, не разделяющая людей по этнической принадлежности, выступила объединительной и регулирующей силой на Северном Кавказе. Хотя ислам пока еще не выполняет в регионе консолидирующей функции и не является

фактором государственного строительства, но его уже пытаются использовать некоторые политики, религиозно-политические лидеры.

Необходимо подходить к исламскому радикализму в мире в целом, и России в частности дифференцированно: он делится на **умеренное, радикальное и ультрарадикальное** (экстремистское) течения. С первым и вторым течениями внутри исламского радикализма можно найти консенсус. Ультрарадикальное экстремистское течение, в открытую ведущее вооруженную борьбу за захват светской власти, на диалог не идет. По отношению к нему надо применять силу закона, в том числе и силовые методы.

К настоящему времени легальные религиозно-политические экстремистские структуры в России ликвидированы. Были закрыты филиалы многочисленных исламских международных благотворительных фондов, которые, по данным правоохранительных органов, оказывали значительную финансовую, материальную, организационную помощь религиозно-политическим экстремистским структурам. **Представители религиозно-политического экстремизма перешли к нелегальной деятельности.** В последние годы на всей территории России, особенно Северного Кавказа, их структуры используют тактику «слепого» террора, в результате которого гибнут не только представители государственных и муниципальных органов власти, правоохранительных органов, но и простые граждане. Только в 1999–2008 гг. в Республике Дагестан от рук религиозно-политических экстремистов погибло более 250 и ранено более 450 сотрудников правоохранительных органов.

Особенностью проявлений современного религиозно-политического экстремизма в России, в первую очередь на Северном Кавказе, является стремление организаторов экстремистских актов легитимизировать свои действия как форму политического протеста, что выражается: 1) в направленности экстремистской активности против представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства; 2) в специфике социальной базы и составе экстремистских организаций, отражающих депрессивное состояние экономики и социальной сферы региона.

С 2007 года наблюдается новая тенденция в развитии конфликта на Северном Кавказе, где происходит спор двух идеологий: «сепаратистского этнического национализма» (целью которого видится суверенитет Чечни) и «универсалистского религиозного проекта». Второй проект предусматривает включение борьбы северокавказских боевиков как составной части в глобальный джихад, конечной целью которого является создание Всемирного халифата. Промежуточной целью для религиозно-политических экстремистов на Северном Кавказе является построение некоего Имарата Кавказа.

В 2009 г. зоной военной активности боевиков были объявлены «горные районы Дагестана, Ичкерии, Ингушетии, Кабарды, Балкарии и Карачая». А предгорные и плоскостные районы и населённые пункты указанных вилайетов, а также вилайеты Галгайче (Ингушетия) и Иристон (Северная Осетия)

и Ногайская степь (Ставропольский край), западные и причерноморские районы Северного Кавказа, а также Приволжский и Уральский регионы РФ объявлены зоной «военных действий диверсионного характера».

Новой особенностью борьбы сторонников Имарата Кавказа в 2009 году стало **расширение не только ее территориальных пределов, но и самого понятия «врага»**. Отныне мишенью «моджахедов» являются не только силовики, но и гражданское население, которое поддерживает руководство органов государственной власти республик Северного Кавказа, подчиняющихся Москве.

Новая тенденция религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе заключается и в том, что их сторонники, борющиеся за создание Имарата Кавказа, имеют более **сильную идеологическую мотивацию**, чем сепаратисты, которые строили независимую Чечню на основе противостояния ее с «империей». Экстремисты стараются перевести войну в религиозное противостояние, где с одной стороны находятся моджахеды, то есть борцы за веру, а с другой – *кафиры* (неверные), оккупировавшие мусульманские республики Кавказа, и их пособники – *муртады* (отступники) их числа местных «национал-предателей».

Следующая новая знаковая особенность развития вооруженного конфликта в Чечне, Ингушетии и Дагестане в 2009 году – это возвращение **тактики терактов с использованием *шахидов*** (боевиков-смертников).

Религиозно-политическое экстремистское движение в России, на Северном Кавказе после 2000 года приобрело новые, специфические черты.

Основная специфика заключается в росте масштабов террористической активности не только в Чечне, но и за ее пределами. Руководитель следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин в феврале 2010 г. отметил, что в 2009 г. сохранилась тенденция к снижению преступности в России. В стране было совершено около 3 млн преступлений, из которых более половины удалось раскрыть. Криминогенная обстановка ухудшилась лишь в 15 регионах. При этом, по словам Бастрыкина, на общем фоне снижения преступности как таковой произошел рост (на 2 %) преступлений террористического характера (654) и 19 % – преступлений экстремистской направленности (548). Статистику подпортили Северная Осетия, Чечня, Ингушетия и Дагестан, где были совершены многочисленные нападения на представителей власти и силовиков [1].

Следующая особенность – **громкие теракты на транспорте и объектах инфраструктуры** (метро, пригородные поезда, самолеты, трубопроводы, ЛЭП), **массовые захваты заложников** (Норд-Ост – 2002, Беслан – 2004), **крупномасштабные акции устрашения против сотрудников силовых структур** (нападения на Грозный в 2004 г., Нальчик в 2005, Назрань в 2004 и 2009 гг.).

Одной из особенностей деятельности религиозно-политических экстремистов на Северном Кавказе является **использование т. н. «шахидов» – смертников-подрывников** [2].

В России с 2000 г. по середину 2009 г. взорвалась 41 «живая бомба». В Израиле, к примеру, за период так называемой интифады взорвали себя 59 палестинцев. В пересчете получается, что «плотность огня» смертников на Ближнем Востоке пока еще выше, чем на Северном Кавказе.

Еще одна специфика религиозно-политического экстремистского движения в России – **расширение круга объектов нападений**. Наряду с продолжением диверсий на экономических и коммуникационных объектах, а также нападений на военных, их террористическая деятельность приобретает характер целенаправленного физического устранения работников силовых структур, ответственных за борьбу против экстремизма и терроризма. Кроме того, подлежащими уничтожению были объявлены идейные враги ислама, представители официального духовенства и даже просто немусульмане.

Другая специфика – **«урбанизация» религиозно-политического экстремизма, терроризма**. Деятельность религиозно-политических экстремистов в последние годы говорит о том, что от тактики терроризма, направленного в основном против армии, работников правоохранительных органов, это подполье переходит к тактике городской герильи. В городском социуме они гораздо меньше зависят от поддержки местного населения (им достаточно безразличного отношения горожан), в городских условиях легче скрываться и уходить от преследования, а возможности применения огневой мощи силовыми структурами ограничены.

Происходит **некоторое расширение социальной базы** за счет образованной молодежи, в т. ч. некоторой части студентов вузов, колледжей.

К новой специфике религиозно-политического экстремистского движения на Северном Кавказе также относится **создание новых группировок (джамаатов) и появление новых лидеров** в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и др.

В последнее время изменились и **методы мобилизации религиозно-политических экстремистов**. Прекращение деятельности иностранных фондов, высылка иностранных миссионеров и преподавателей существенно ограничили для экстремистов возможности контактов с зарубежными союзниками. В результате контрнаступления государства радикальные исламисты лишились практически всей институциональной инфраструктуры (контролировавшихся ими мечетей, медресе, СМИ). **Масштабы религиозно-политической экстремистской пропаганды сократились**. В большинстве случаев она стала ограничиваться распространением отдельных брошюр, листовок и аудио- и видеозаписей, дисков. В то же время пропагандистские материалы стали активно распространяться через интернет-сайты, прежде всего «Кавказ-центр», «Джамаат Шариат», «Гураба» и др. **Главным методом религиозно-политической мобилизации стала индивидуальная обработка потенциальных сторонников, особенно среди молодежи.**

Как утверждают эксперты, «на Северном Кавказе в настоящее время начинает развиваться одно из важнейших направлений военной стратегии США – «сетевые войны» [3].

Как писал один из американских теоретиков войны нового типа, адмирал Артур Кебровски, «могущество приходит сегодня из другого источника, используется по-другому и способно вызывать эффекты, которых не было никогда раньше. В эпоху индустриального общества мощь зависела от масс. Теперь она имеет тенденцию зависеть от информации, доступа к ней и скорости этого процесса. Нам пришлось назвать эту новую теорию войны сетецентричным военным искусством» [4].

Результатом осмысления данных процессов стало появление в США в конце 1990-х гг. концепции «сетецентричных войн» («network-centric warfare»), отражающей принципы ведения войны в условиях информационного общества.

«Сеть» предполагает преодоление традиционного линейного, централизованного, иерархического принципа построения социальных систем «центр – периферия», «ствол – ветви» (обычно описывается метафорой «корня»), характерного для индустриального общества. На смену иерархической логике, считают адепты «сетевых войн», идет логика самоорганизующихся, нелинейных, принципиально не структурируемых систем. С одной стороны, у таких систем отсутствует «ядро», то есть четко выраженный «центр», с другой стороны, предполагается, что любая ячейка такого множества может при определенных обстоятельствах взять на себя функцию «центра» (метафора «клубня»)¹.

Многие «сетевые гипотезы» впервые были апробированы еще во второй половине XX века. Одним из наиболее характерных примеров является создание на территории Афганистана спецслужбами США и Пакистана таких террористических организаций, как «Аль-Каида» (al-Qaida network) и «Талибан», служивших первоначально инструментом глобального противоборства с Советским Союзом. Эти террористические структуры формировались по лекалам американских «мозговых центров» в соответствии с сетевыми принципами («паучья сеть», «пчелиный рой», «клубень»). Управленческая пирамида этих террористических группировок изначально была чрезвычайно гибкой, входящие в нее отдельные «ячейки» могли действовать почти автономно, отличались большой живучестью, способностью приспосабливаться к изменяющейся общественно-политической обстановке [6].

Николай Димлевич [7] пишет: **«Представляется, что США и некоторые другие государства Запада начали подготовку условий для реализации в**

¹ Концепция «сети» как парадигмы социальной организации в условиях информационного общества начала разрабатываться гораздо раньше теории «сетевых войн» в таких направлениях западной философской мысли, как постструктурализм, синергетика, теория нелинейных динамик и др. Метафоры «корня» (линейный принцип) и «клубня» (нелинейный принцип) были введены в оборот в работе известных французских мыслителей Жюль Делеза (философ) и Феликса Гватари (психиатр) «Капитализм и шизофрения» в 1980 году. См. [5].

России сценария «цветной» революции в ходе избирательного цикла 2011–2012 годов». Президент США предложил к 2013 г. увеличить на четверть число сотрудников Госдепартамента США и Агентства международного развития (USAID). Одна из поправок к проекту бюджета предусматривает создание 1226 новых рабочих мест в этих ведомствах уже в 2010 г. В перспективе количество работников внешнеполитической службы должно возрасти на 25 %, а число сотрудников USAID к 2012 г. – удвоиться.

В качестве инструмента «сетевой войны», обеспечивающего получение информации и осуществление выгодного им влияния на обстановку, США и их союзники используют **иностраные некоммерческие неправительственные и международные организации** (далее – ИННО и МО).

На территории Южного федерального округа насчитывается более 100 иностранных организаций, фондов и мониторинговых сетей в форме союзов, ассоциаций и обществ, действующих в самых различных сферах.

Примером реализации концепции «сетевых войн», по его мнению, «является деятельность на юге России американских фондов Сороса, Карнеги, Мак-Артуров, немецких фондов Ф. Эберта, К. Аденауэра, В. Белля, а также «Организация непризнанных народов и наций», «Международный институт стратегических исследований» (Лондон), «Кавказская сеть НКО по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев «CRINGO»», «Международная сеть «Молодежное правозащитное движение»» и ряд других. Идеология, цели, задачи и тактика данных структур определяются финансирующими их организациями и координируются из единого центра в США.

Н. Димлевич считает, что **«в рамках осуществляемой ИННО и МО деятельности предпринимаются попытки оказания информационно-пропагандистского воздействия на народы Кавказа, направленного на разрушение единого культурно-исторического пространства Кавказа и России, ликвидацию пророссийской ориентации в кавказском обществе, формирование идеологии ненависти к России как стержневой основы «новой кавказской идентичности» [7].**

В условиях глобализации информационных потоков успешно защищаться против применения противником приемов «сетевых войн» и ориентироваться на стратегию победы можно лишь с помощью аналогичного оружия, нейтрализующего угрозы в физической, информационной, когнитивной, социокультурной сферах, направленные на «своих», и создающего аналогичные угрозы для противника [8].

Соответственно любое системное действие здесь достигает успеха только тогда, когда существует универсальный мировоззренческий проект, опирающийся на ценности конкретной цивилизации и альтернативный идеологии либерализма с ее американоцентричным мифом «распространения свободы и демократии» по всему миру. В условиях информационного общества такой мировоззренческий, цивилизационный проект («ценностная платформа») является совершенно необходимой «операционной системой», без которой нет ни самостоятельной внешнеполитической стратегии, ни воз-

возможности сохранить национальный контроль над ресурсным потенциалом данной национальной территории.

Известный российский исламовед И.П. Добаев в монографии «Современный терроризм: региональное измерение» [9, с. 5–7] пишет: «Анализ материалов, связанных с деятельностью «молодежных джамаатов», позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Радикальные идеологии позволяют их носителям не только оправдывать совершаемые преступления, но планировать и в последующем осуществлять диверсионно-террористические акции, не испытывая при этом угрызений совести. Так, согласно исследованиям, проведенным в Дагестане среди пятидесяти религиозно-политических экстремистов, находившихся в 2000–2002 гг. под следствием, лишь двое усомнились в справедливости и правильности своих поступков. Это обстоятельство свидетельствует о том, что религиозно-политический экстремизм как идеология представляет собой не просто совокупность экстремистских идей, а систему «аргументированных» положений [10].

Террористические «джамааты», совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и в случае необходимости объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь, действия согласовываются и координируются. Иначе говоря, деятельность экстремистских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип (принцип «паучьей сети»). Причем, и это особенно важно, вчерашние «партизаны» из лесисто-гористой местности перебрались в города, привлекли в свои сети молодежь без криминального прошлого, в т. ч. учащихся средней и высшей школы, аспирантов и даже молодых ученых, создали эффективно действующую своеобразную «городскую герилью».

Таким образом, тенденция растекания терроризма в регионе, которая ранее прогнозировалась лишь отдельными экспертами, стала реальностью. Особенно непростая ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – в Дагестане и Ингушетии. Она, в свою очередь, предопределила процессы в других республиках, прежде всего в Кабардино-Балкарии.

Иными словами, с «замирением» Чечни активность боевиков не снизилась. Она просто распространилась на другие субъекты Северного Кавказа и практически полностью перешла в террористическую плоскость [11]. Эксперты фиксируют сохранившуюся скоординированность действий боевиков, их под-

готовку, конспирацию и синхронность: кроме того, что теракты нередко осуществляются одновременно в нескольких республиках, у террористов время от времени обнаруживаются подробные списки работников милиции и ФСБ, номера их автомобилей, литература по изготовлению самодельных бомб. Боевики, отмечается в СМИ, столь же фанатичны, как и прежде, – их приходится уничтожать вместе со зданиями, где они укрываются» [11].

Анализируя опыт зарубежных стран и регионов, можно выделить как **успешные стратегии антиэкстремистской политики** (США, Западная Европа, Северная Ирландия), так и **неэффективные стратегии** (Афганистан, Ирак, Пакистан, Индия). Ряд проявлений **рецидивирующего религиозно-политического экстремизма** можно наблюдать в Палестине, Израиле, Ливане, Пакистане, Курдистане.

На основе сравнительного анализа установлено, что степень успеха антиэкстремизма зависит от интересов ведущих геополитических акторов, установок и ориентаций сознания депривированных групп населения – социальной базы религиозно-политического экстремизма, регулирования экономических и социальных проблем общества. Вместе с тем рост религиозно-политического экстремизма является и проявлением неконвенционального протеста в странах третьего мира против экспансии Запада. Следовательно, угроза религиозно-политического экстремизма не может быть уменьшена кардинальным образом без трансформации политики постиндустриальных государств и ТНК в русле диалога цивилизаций и определения целей устойчивого развития.

Религиозно-политический экстремизм будет оставаться долгосрочным фактором общественно-политической жизни России, северокавказских республик, однако вместе с тем существуют довольно серьезные ограничители роста его влияния. Как считают известные исследователи исламского радикализма В. Наумкин и Д. Макаров, религиозно-политический экстремистский проект «не способен ни в настоящее время, ни в перспективе стать объединяющим и стабилизирующим фактором для сколь-либо значительной части населения в мозаичном северокавказском регионе, где важнейшими детерминантами политического поведения остаются этничность и клановость. Сам по себе фактор радикального исламизма не может подрвать устойчивость нынешних политических режимов в регионе. Однако в случае критического обострения и/или наложения друг на друга социальных, экономических и этнополитических противоречий исламский фактор может сыграть роль той самой капли, которая переполнит чашу нынешней весьма хрупкой стабильности» [12].

Как пишет исследователь А. Малашенко, «относительно новой тенденцией стала политизация традиционного ислама. Наиболее интенсивно она развивается на Кавказе – в Дагестане и Чечне, где местные тарикаты становятся одновременно и субъектами политики, и ее инструментом. Причем в Чечне президент Рамзан Кадыров превращает ислам в рычаг для консолидации общества». Он выражает опасение, что «на севере Кавказа происхо-

дит общая демодернизация общества, что способствует его дальнейшей исламизации» [13].

Антиэкстремистская политика Российской Федерации может быть определена как целостная совокупность принципов, направлений, методов и мер государственных органов власти по устранению угроз религиозно-политического экстремизма, пресечению религиозно-политической экстремистской деятельности. Она является неотъемлемой частью государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности, а также мер национальной политики (этнополитики) и внешней политики РФ (в области международного сотрудничества по борьбе с религиозно-политическим экстремизмом).

Основными подсистемами антиэкстремистской политики являются: **нормативная, институциональная, коммуникативная, информационная**. Современное состояние антиэкстремистской политики в РФ характеризуется повышением степени ее концептуальной завершенности и последовательности реализации.

Принятие **«Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года»** требует усовершенствования нормативно-правовой базы в сфере регулирования деятельности правоохранительных органов и вооруженных сил. Вместе с тем борьба с религиозно-политическим экстремизмом будет неэффективна без комплекса мер по повышению качества жизни в республиках Северного Кавказа, по адресному регулированию внутренней миграции, воспитания в обществе ценностей этноконфессиональной толерантности, взаимодействия государства с конфессиями на основе принципов секулярности и свободы совести, выработки государственной стратегии идеологического противостояния религиозно-политическому радикализму. Приоритетное значение имеет создание общенациональной идеи и формирование общероссийской идентичности.

Президент Республики Дагестан М.М. Магомедов считает, что «работа, которую ведут правоохранительные органы, в первую очередь МВД и ФСБ, будет продолжена. Но только силовыми методами мы, безусловно, эту проблему не решим, так терроризм не победить. Мы обязательно должны разговаривать с этими людьми. Тех, кто не запятнал себя каким-то участием в кровавых операциях и просто находится в рядах этих людей и вовлечен туда обманом, каким-то массированным идеологическим воздействием, мы должны вернуть в нормальную, мирную жизнь. Для этого будут, наверное, подобраны специальные люди из авторитетных дагестанцев, которые этой идеологии противопоставят другую идеологию – идеологию единства наших народов, целостности Дагестана, дружбы между нашими народами. На этой идеологической базе мы сможем работать с молодежью. Конечно, мы не просто должны ее оттуда вытащить, мы должны сделать так, чтобы молодежь, выйдя из леса, имела возможность свою энергию, силы и способности приложить к строительству мирной жизни. Для этого надо создавать

рабочие места, чтобы экономика поднималась, а инвестиции шли в республику. Только этим можно противостоять идеологии терроризма» [14].

В борьбу с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом необходимо внести существенные коррективы, сделав упор не только на силовые и административные механизмы, но и на политические, экономические, социальные, культурно-образовательные и другие формы и методы противодействия и профилактики.

Литература

1. *Сенаторов Юрий*. Следствие объединяется ради главного // Для Александра Бастрыкина настало время реформы // Коммерсантъ. 2010. № 25 (4325).
2. *Сухов Иван*. Северный Кавказ: Марш смертников // 18.09.2009. Время новостей.
3. *Димлевич Николай*. Кавказский геополитический район: вчера, сегодня, завтра (I) // <http://fondsk.ru/article.php?id=2807>. 24.02.2010.
4. Vice Admiral Arthur K. Cebrowski, Director, Office of Force Transformation // IEEE Spectrum, July 2002.
5. *Gilles Deleuze et Felix Guattari*. Rhizome // Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. – Paris: Les Editions de Minuit, 1980 (прим.).
6. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов-на-Дону, 2005.
7. *Димлевич Николай*. Кавказский геополитический район: вчера, сегодня, завтра (I) // <http://fondsk.ru/article.php?id=2807>. 24.02.2010.
8. *Гавриш Георгий*. «Комбинация потрясений»: сетевое военное искусство // <http://fondsk.ru/article.php?id=1094>. 29.11.2007.
9. *Добаев И.П.* Современный терроризм: региональное измерение / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 5–7.
10. Устранение конфессиональных противоречий как предупреждение религиозного экстремизма // Дагестанская правда. № 77–79. 05.07.2007.
11. Независимая газета. 14.05.2007.
12. *Виталий Наумкин, Дмитрий Макаров*. Исламский фактор в мировой политике и интересы России // Стратегия России. 2007. № 7.
13. *Малашенко Алексей*. Исламские тезисы. Российские мусульмане сегодня: между обособлением и конвергенцией // Независимая газета. 15.05.2009.
14. *Тажудинова Айшат*. Необходима консолидация дагестанского общества // Дагестанская правда. 11.02.2010. № 49–50. – С. 1.